

шемъ положеніи, принимая чисто практическій характеръ. Мы знаемъ одно село, въ которомъ до 200 человекъ—крестьянъ уже практически осуществляютъ въ своей жизни ученіе Толстого въ его грубомъ анархически-нигилистическомъ видѣ. Изъ этихъ крестьянъ двое отказались поступить въ военную службу. Ихъ присудили къ двухлѣтнему заключенію въ острогъ. Отбывъ это наказаніе, они съ торжествомъ возвратились въ свое село и стали проповѣдывать всѣмъ односельчанамъ, насколько *выгоднѣе* и *удобнѣе* отсидѣть два года въ острогѣ, чѣмъ пробыть шесть лѣтъ въ военной службѣ. По ихъ словамъ, въ острогѣ имъ жилось *лучше*, чѣмъ даже дома: они ничего не дѣлали, не платили податей, не исполняли никакихъ общественныхъ обязанностей, кормили ихъ прекрасно, къ праздникамъ кушцы присылали много булокъ, колбасъ, пасокъ, яицъ, въ храмовой праздникъ въ церкви острога служилъ даже архіерей; губернаторъ, прокуроръ окружнаго суда и члены тюремнаго комитета часто посѣщали ихъ, освѣдомляясь, не испытываютъ ли они какихъ либо притѣсненій и неудобствъ и т. д. Конечно, съ крестьянской точки зрѣнія такая жизнь можетъ быть даже завидною. Но если такъ дѣло пойдетъ и далѣе, то не придется ли въ самомъ дѣлѣ военныя казармы обращать въ мѣста заключенія для лицъ, отказывающихся отъ военной службы?.. Впрочемъ, этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ не критикою и не философіею...

Приведенными средствами государство однако-же, по словамъ Толстого, достигаетъ какъ разъ противоположнаго тому, къ чему стремится. Оно разрушаетъ само себя. „Жизнь, построенная на началѣ насилія,—говорить онъ¹⁾,—дошла до отрицанія тѣхъ самыхъ основъ, во имя которыхъ она была учреждена. Устройство общества на началахъ насилія, имѣвшее цѣлью обезпеченіе блага личнаго, семейнаго и общественнаго, привело людей къ полному отрицанію и уничтоженію этихъ благъ“. Разложеніе государства будто-бы уже началось. Признаки этого

были всеенные. И такихъ военныхъ заговорщиковъ становится все больше и больше. И очень часто случается, какъ это было на дняхъ, что призванные для усмиренія жителей военные отказываются стрѣлять по нимъ. Военное молодечество прямо осуждается самими военными и часто служитъ предметомъ насмѣшекъ“.

1) Ч. I, стр. 302.